

сочиненій, гдѣ онъ противопоставляетъ русское съ иноземнымъ, и вооружается противъ иноземныхъ вліяній, особенно французскаго, настаивая взаимѣнъ того на необходимости самостоятельнаго характера нашей жизни. Замѣтимъ прежде всего, что это исканіе зачатковъ славянофильства въ одномъ изъ характернѣйшихъ писателей прошлаго вѣка мало вяжется съ утвержденіемъ объ оторванности нашего тогдашняго образованія отъ народныхъ началъ; но на дѣлѣ предположеніе о славянофильствѣ Болтина не совсѣмъ подтверждается фактами. Нашему славянофильству въ прошломъ столѣтіи отвѣчаютъ не столько такіе люди, какъ Болтинъ, человекъ ума по преимуществу критическаго, сколько тѣ патріоты-самохвалы, которые тогда находили, что Россія достигла уже во всѣхъ отношеніяхъ великаго совершенства, не нуждается больше ни въ какихъ заимствованіяхъ у Европы, представляетъ вообще лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Болтинъ не былъ изъ такихъ людей. Если онъ нападалъ на Леклерка, это не значитъ вовсе, что онъ нападалъ на Европу: самодовольный французъ, съ нѣсколько сомнительной біографіей, могъ самъ по себѣ быть достаточнымъ объясненіемъ той антипатіи, которую онъ внушалъ Болтину. Довольно было его историческаго невѣжества и нахальства, чтобы Болтинъ обрушился на него съ своими желчными опроверженіями, какъ иной разъ желчно опровергалъ и русскихъ историковъ. Но если присмотрѣться во всему складу его мыслей, мы не найдемъ въ немъ не только какой-нибудь принципиальной вражды къ Европѣ, но напротивъ, увидимъ человека, котораго понятія самымъ тѣснымъ образомъ примыкаютъ къ европейскимъ идеямъ прошлаго вѣка. Болтинъ—такой же просвѣщенный русскій человекъ XVIII столѣтія, какими были Татищевъ, Ломоносовъ, Лепехинъ, Новиковъ, Радищевъ и проч.; для него нѣтъ вопроса о необходимости какого-нибудь другого просвѣщенія кромѣ европейскаго, и онъ желаетъ, чтобы этого просвѣщенія было какъ можно больше въ Россіи; но конечно, онъ желалъ также, чтобы оно скорѣе получило возможность жить своими силами, не нуждаясь каждый разъ въ иностранномъ учителѣ, и во всякомъ случаѣ не думалъ, чтобы европейское образованіе состояло въ одномъ свѣтскомъ пустозвонствѣ богатыхъ тунеядцевъ и перениманіи чужихъ модъ, съ которымъ могло соединяться, и дѣйствительно очень часто соединялось на дѣлѣ, круглое невѣжество. Какъ увидимъ далѣе, высшіе авторитеты мысли были для Болтина въ первостепенныхъ умахъ тогдашней европейской, особливо французской, литературы. Если Болтинъ не взялъ своего взгляда на вещи готовымъ